

А. Г. Румянцев в Вампилов. М.: Молодая гвардия, 2015. 332 с.

Драматургу Александру Вампилову повезло с друзьями больше, чем кому-либо другому. В его окружении нашлись те, кто готов был поддержать, а после трагического ухода не отказался от неспешного разговора о нем.

Книга Андрея Румянцева — поэта, университетского друга писателя — это документальная хроника с присущей избранному жанру детализацией и профессорской дотошностью в работе с материалами. Автор, как представляется, изначально поставил для себя задачу быть предельно честным и последовательным в изложении фактов: никаких домыслов и художественных импровизаций. Право голоса на страницах книги получили только те, кто лично знал Вампилова, мог свидетельствовать об уходе поколений молодых шестидесятников-романтиков: «Физика манила нас в города, география подбивала на бродяжничество, литература, как полагается, звала к подвигам» (с. 51). Эта реплика — идентификатор самого Вампилова, который в книге едва ли не единственный свободный комментатор происходящих событий — ироничный, раскрепощенный, ведомый порывом. Свободный — ибо все прочие действующие лица ограничены движением «в кадре», а сам А. Румянцев отвел себе роль кабинетного ученого-историка, бытописателя, архивиста.

Насколько оправдан подобный позитивистский подход в случае повествования о Вампилове — вопрос. Театром нечто подобное уже было испробовано и отвергнуто: «Ее (речь о пьесе «Утиная охота». — Л. Я.) нельзя играть просто правдиво, натурально, особенно “условно натурально”, ведь она почти символическая, может быть, даже мистическая <...> что-то следует доводить до высшей остроты» (с. 293). Вероятно, и в случае творческой биографии Вампилова этот принцип должен был сработать. Практиками литературы и театра авторская индивидуальность драматурга определялась через «отсутствие преднамеренности» (Г. Товстоногов, с. 291); «взгляд словно бы переводимый с “близкого” человека в себя» (В. Распутин, с. 282); столкновение «мертвого» в порядочности и творческого, «сарафановского» в ней (Г. Бродская, с. 252). Интересные подсказки. Хотя нужно отдать должное А. Румянцеву — его повествование столь насыщено информативно, столь многогласно, что из него может быть сочинено (в высшем смысле) не одно исследование. И в этом случае не так уж и важно, актуализированное или только лично значимое.

В аннотации к книге заявлено, что Андрей Румянцев — «поэт, знавший Вампилова с юношеских лет». Поэтому я ждала, где же даст о себе знать поэтическое — стихийное, необузданное, индивидуальное. В чем проявится этот активный свидетель времени, обладающий фотографической памятью человек, талантливый в от-

боре деталей повествователь (чего стоят выдержки из Вампилова про кутуликчанские забавы по усыплению кур в лунную ночь (с. 45) или не оставленная без внимания реплика Г. Товстоногова о «нетеатральном зрителе», каким показался ему драматург, с. 256). Автор дает себе волю там, где дело касается творческой рецепции и интерпретации вампиловской драматургии. Он, не останавливаясь перед сентенцией «Драматург не понят» (с. 287), не просто рассуждает — кричит: «Загадка Вампилова! В чем?» Автор неистовствует там, где идет речь о «восьми барьерах» — проволочках и препятствиях по изданию, постановкам пьес, солидаризируясь с поздними признаниями критика И. Вишневской: «Не способствовали счастливому стечению фактов, а значит, невольно способствовали их несчастному стечению» (с. 205). Кажется, уже и не осталось таких (или есть, в Сибири?) с донкихотовской поводкой — резких, непримиримых к полутонам и потому — одиноких...

Мы стали жить торопливо, и 325 страниц подробного жизнеописания требуют определенных усилий. При этом книгу стоит прочесть и как историю одного рода, и ради выдержек из стенограмм обсуждения пьесы «Прошлым летом в Чулимске» в редакции альманаха «Ангара» (с. 280–281) или спектакля Ю. Любимова «Живой» по повести Б. Можаева (с. 224–225), которые иллюстрируют происходящее в литературных и театральных кругах того времени. Стоит прочесть и для того, чтобы найти у Вампилова нечто важное для него самого, как это сделал когда-то А. Эфрос: «Я все время думал о несчастье Зилова. В чем оно и отчего? <...> Если бы я был социологом или писателем, то стал бы изучать и фантазировать насчет того, как и откуда появляется эта болезнь. Болезнь пустоты» (с. 295). Поэтому, как представляется, есть смысл оставить книгу А. Румянцева на своей книжной полке, чтобы возвращаться, соотносить, проверять точность взятой жизненной интонации.

Людмила ЯКУШЕВА

Вологодский государственный университет